https://doi.org/10.34680/vistheo-2026-8-1-78-97

Иконографические элементы в средневековых бытовых миниатюрах (Специфика изображения родильной комнаты в книжной иллюминации XIV–XV веков)

А. А. Геворкян
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
Санкт-Петербург, Российская Федерация
gevorkyan_lika@mail.ru

В. А. Земляницин
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
Санкт-Петербург, Российская Федерация
zemlyanitsin79@yandex.ru

Для цитирования:
Геворкян А. А., Земляницин В. А. Иконографические элементы в средневековых бытовых миниатюрах (Специфика изображения родильной комнаты в книжной иллюминации XIV–XV веков) // Визуальная теология. 2026. Т. 8. № 1. С. 78–97. https://doi.org/10.34680/vistheo-2026-8-1-78-97

Аннотация. Статья посвящена изображению быта комнаты родильниц в книжной иллюстрации XIV–XV вв. В качестве объекта анализа была выбрана книжная иллюминация, в которой отражены сюжеты рождения Богородицы, Иоанна Крестителя и других святых, так как именно в этой тематике вследствие отсутствия строгой догматики и письменного канона Священного Писания иллюминаторы более свободны в изображении тех или иных предметов. Миниатюры, изображающие сцены рождества святых, представляют интерес в качестве визуальных источников по средневековому быту, включая различные предметы интерьера, сам процесс родов и традиции ухода за новорожденным и родильницей. В рассматриваемых миниатюрах большое внимание уделяется изображению бытовых предметов, их устройства и обстановки комнаты. Главным элементом этих миниатюр служит кровать, которую часто изображали с балдахином. Помимо этого, на страницах иллюминированных рукописей изображаются шкафы, на которых стоит дорогая посуда, сундуки, самые разные виды табуретов и стульев. Миниатюры позволяют получить информацию о том, как проходили роды, какую роль в них играли повитухи и прислужницы. Вокруг родильницы всегда находились служанки, предлагающие ей пищу, чтобы восстановить силы после тяжёлых родов. Эти изображения интертекстуальны, так как всегда отсылают к сцене Рождества Христова. Несмотря на довольно большой временной период создания рассматриваемых миниатюр, сюжеты в них изображаются без существенных изменений. Однако, несмотря

© Геворкян А. А., Земляницин В. А., 2026

на большую ценность подобных источников, при работе с ними необходимо учитывать их неоднозначность и субъективность.

Ключевые слова: книжная иллюминация, бытовые предметы, ритуалы родов, рождество святых, интертекстуальность.

Финансирование: исследование выполнено за счёт внутреннего гранта Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (проект № 85ВГ).

Iconographic elements in medieval household miniatures (The specifics of the image of the maternity room in the book illumination of the 14th-15th centuries)

Anzhelika A. Gevorkyan
Herzen State Pedagogical University, St. Petersburg, Russian Federation
gevorkyan_lika@mail.ru

Vladimir A. Zemlyanitsin
Herzen State Pedagogical University, St. Petersburg, Russian Federation
zemlyanitsin79@yandex.ru

For citation:
Gevorkyan A. A., Zemlyanitsin V. A. Iconographic elements in medieval household miniatures (The specifics of the image of the maternity room in the book illumination of the 14th-15th centuries). *Journal of Visual Theology*. 2026. Vol. 8. 1. Pp. 78–97. https://doi.org/10.34680/vistheo-2026-8-1-78-97

Abstract. The article studies book illustrations of the 14th-15th centuries depicting everyday life in the maternity room. Book illumination depicting the birth of the Virgin Mary, John the Baptist and other saints was chosen as the object of analysis, because, due to the lack of strict dogmatic and necessary correlation with the Holy Scripture, illuminators were feeling freer to depict objects of life. Miniatures depicting scenes of the nativity of saints are visual sources on medieval life, because they represent various interior items, the process of childbirth itself, and traditions of caring for a newborn and his mother. The miniatures mostly depict household items and furniture of the room. The main element of these miniatures is a four-poster bed. In addition, the illuminated manuscripts depict cabinets with expensive dishes, chests, and various types of stools and chairs. Miniatures give information about the process of childbirth and the role of midwives and handmaidens. There were always maids around the woman in labour, offering her food to restore her strength after a difficult birth. These images are intertextual, as they always refer to the Nativity scene. Despite the fact that events represented on the miniatures cover a long period of time, the scenes are depicted without significant changes.

Keywords: illuminated manuscript, domestic objects, childbirth rituals, The Nativity of the Saints, intertextuality.

Funding: the research was supported by an internal grant of the Herzen State Pedagogical University of Russia (project № 85VG).

Тема Рождества является одной из самых канонически устойчивых мотивов христианской иконографии. Речь о рождении ребёнка сразу же вызывает в памяти сюжет Рождества Христова как одного из главнейших событий для всего христианского мира. Однако к теме рождения младенца относятся и другие сюжеты, связанные с Рождеством Богородицы, Иоанна Крестителя и иных святых. Эти сюжеты также имеют богатую традицию письменной и визуально-иконографической репрезентации, входят в содержание церковных праздников и служб.

Между сюжетами Рождества Христова и рождества других святых в изобразительной традиции существует значительная разница. Рождество Иисуса Христа описано в Новом Завете, иначе говоря, существует письменный источник, зафиксированный в культуре в статусе священного текста. В отличие от названного сюжета тема рождения Девы Марии, Иоанна Крестителя и других святых отсутствует в Священном Писании. Информацию о Рождестве Богородицы или Иоанна Крестителя мы узнаём из апокрифической литературы, то есть из религиозных произведений, не входящих в церковный канон, но при этом описывающих события и личности священной истории. Вследствие такого положения дел отсутствует какой-либо канон изображения сцен рождества святых; поэтому мастера и иллюминаторы рукописей в большей степени могли позволить себе более свободную интерпретацию бытовых элементов, сопутствующих этим событиям, чем в сюжетах, посвящённых Рождеству Иисуса Христа. Это, в свою очередь, порождает многочисленные новые визуальные тексты, не опирающиеся на библейские свидетельства, но зато отражающие привычные детали повседневной жизни современников.

В соответствии со сказанным выше, целью данной статьи является анализ визуальной специфики презентации бытовых аспектов в книжной иллюминации, посвящённой Рождеству Пресвятой Богородицы, св. Иоанна Крестителя и других святых. В связи с названной целью мы рассмотрим миниатюры и инициалы, изображающие описываемый сюжет; проанализируем бытовые предметы, помещаемые внутрь иллюстрации рукописей; изучим систему аллюзий и отсылок, связывающую рассматриваемый нами сюжет с евангельским.

Изображения Рождества Богородицы, Иоанна Крестителя и других святых в рукописях представляют собой примерно одинаковую стройную композицию: комната родильницы, в которой присутствуют новорожденный и его мать, лежащая на кровати, повитуха с другими служанками, ухаживающие за младенцем, иногда их спутником выступает отец новорожденного святого и ангел. Помимо этого, в качестве постоянных предметов, присутствующих на изображении, выступает кровать, на которой отдыхает после родов родильница, купель, в которой омывают ребёнка, и камин. Эти три предмета присутствуют на книжной иллюстрации практически всегда. Далее уже в зависимости от пространства изо-

бражения (полностраничная миниатюра или инициал), задумки мастера и желания заказчика помещение комнаты родильницы наполняется теми или иными дополнительными предметами.

Одним из главных постоянных элементов пространства комнаты родильницы выступает кровать. Она изображается в рассматриваемых сюжетах всегда, что объясняется её функциональным назначением. Здесь происходит главное действие апокрифической сцены, поэтому данному предмету мебели и предназначено важное место в визуальном пространстве миниатюры. Кровать может быть помещена не в центр композиции, чаще всего её располагают в углу комнаты, сдвигая к стене, иногда даже скрывая от зрителей балдахином часть этого сакрального пространства, однако она всегда является центральным смысловым элементом композиции.

В средневековых миниатюрах чаще всего изображают кровать с пологом (балдахином), который крепился к прямоугольному навесу над кроватью, представляющему собой резное или драпированное тканью дерево [Britannica 2006]. Часто навес изображается полностью прикрытым балдахином. Навес мог поддерживаться четырьмя стойками по четырём углам кровати или путём подвешивания его к потолку. Последний вариант часто помещался на миниатюрах: кровать изображали без стоек с подпирающим потолок навесом, однако редко изображался сам способ подвешивания к потолку. В миниатюре из «Турино-Миланского часослова» (1380–1450), изображающей рождение св. Иоанна Крестителя (ил. 1), иллюминатор детально прорисовал, каким образом данный элемент кровати подвешивается верёвками к деревянным балкам, поддерживающим потолок.

В некоторых миниатюрах – таких как миниатюра из итальянского Миссала (1301–1400), изображающая рождение Богородицы (ил. 2), или как инициал, изображающий тот же сюжет (ил. 3), – кровать изображалась без навеса, поэтому в таких миниатюрах можно заметить, как балдахин прикреплялся к кровати: он представляет собой раздвижные шторы, которые подвешены к специальным балкам, расположенным на уровне потолка [Britannica 2019 a].

Также часто в книжной иллюстрации балдахин изображался свёрнутым в своеобразный мешочек над кроватью. Так обычно делали в дневное время, когда кровать использовалась в качестве сиденья [Britannica 2024 a]. Такие закрученные балдахины можно увидеть в миниатюрах рукописи «Цвет историй» (ил. 4), в Жизнеописании Эдмунда и Фремунда (ил. 5). Кровати с балдахинами, помимо красоты и роскоши, имели практические функции: шторы можно было закрыть ночью, чтобы лежащему в постели не было холодно, а также они обеспечивали уединение спящих.

В иллюстрациях также продемонстрировано, как застилали кровать. Подушки были одеты в наволочки, что прекрасно видно на миниатюре Жана Манселя в рукописи «Цвет историй» (ил. 6); под них подкладывали валики. Часто иллюминаторы используют для изображения кроватей благородные чистые цвета: красный, синий, зелёный и белый. Иногда попадаются с нежностью выписанные детали, такие как, например, скрупулёзно расписанное стёганое одеяло, которым укрыта святая Анна (ил. 6), украшенные белыми цветами балдахин и одеяло в богатой постели матери святого Эдмунда (ил. 5), украшенное золотыми узорами одеяло на красном фоне (ил. 7, 8).

Другим предметом мебели, встречающимся на миниатюрах, является столик, на котором всегда изображена разнообразная богатая посуда и еда. В действительности основным типом средневековой мебели, который мог служить шкафом, табуретом, а при необходимости даже и столом, был сундук [Britannica 2024 b]. От него берут начало и другие типы мебели, такие как шкаф и стул. На миниатюрах, изображающих комнаты родильниц, мы можем рассмотреть конструкции таких сундуков и производных от них предметов быта.

На некоторых изображениях иллюминаторы помещают такую разновидность шкафа, как буфет (ил. 6). Следует отметить, что сундук как предмет внутреннего убранства изначально занимает довольно большое пространство внутри комнаты. Поэтому постепенно он усовершенствуется до более практичных предметов быта, которые более функциональны с точки зрения ежедневного пользования. Буфет представляет собой ларь, поставленный на высокие подножки, внизу соединённые дощатым щитом, на котором можно было держать домашнюю утварь. Так, на миниатюре из «Турино-Миланского часослова» можно увидеть предметы, хранимые на нижней плоскости: кувшин с молоком, золотое блюдо, канделябр (ил. 1).

Иллюминаторы довольно тщательно изобразили и конструкцию ларя. Он был снабжён лицевыми дверками спереди, которые имели замочную скважину; скорее всего, этот предмет мебели должен был хранить внутри другую домашнюю утварь и, возможно, какие-то продукты питания (ил. 6). Панели подобных ларей украшались орнаментом, именуемым linenfold, который представляет собой рельефную резьбу, имитирующую складки ткани. Резьба linenfold широко применялась на севере Франции, во Фландрии, в Нижней Германии к северу от Прибалтики, в Скандинавии и Англии [Britannica 2024 b]. В этом плане выделяется резьба, изображённая в миниатюре «Турино-Миланского часослова»: помимо продольных линий, характерных для неё, дверца также украшена круглой рельефной резьбой с волнистыми узорами (ил. 1). Таким образом, этот предмет быта совмещал в себе несколько функций: он выступал в роли стола, а также был своеобразным ларем, в котором хранилась посуда.

Примечательно, что на одной из миниатюр на буфете располагаются три деревянные фигурки, которые, скорее всего, являются изображением святых (ил. 6). На другой миниатюре подобные деревянные фигуры располагаются на специально вырезанных для них нишах по обе стороны от лицевой двери (ил. 4). Трудно различить, кто именно изображался на этих фигурках, но можно предположить, что среди подобных фигур могла находится святая Маргарита, поражающая дракона. Она считалась покровительницей родильниц и детей во время родов [Reames 2003, 111]. Связь святой Маргариты с темой рождения также обусловлена иконографической традицией, изображающей святую выходящей из чрева дракона, что отсылает к самому процессу деторождения. Благодаря обещанию святой помогать всем, кто запишет её житие, прочтёт его или услышит, до настоящего времени дошло много его копий, а также изображений святой Маргариты, выходящей из дракона. Существовала также практика обвязывания длинных полос пергамента с написанным житием святой вокруг живота роженицы. Это указывает на почитание святой Маргариты среди рожающих женщин, а также свидетельствует о влиянии самих рожениц и матерей на признание Маргариты в качестве святой [Erler, Kowaleski 2003, 95].

Помимо буфета в комнате родильницы изображаются и более привычные современному глазу сундуки. Так, в миниатюре «Турино-Миланского часослова» изображён открытый сундук с замком в замочной скважине; в таком сундуке находились личные вещи родильницы. Иногда в подобных сундуках помещался небольшой деревянный ящик с крышкой, именуемый till, который служил местом хранения сладко пахнущих трав [Britannica 2011 a].

На миниатюрах, изображающих комнаты родильниц, часто встречается табурет, реже стул. Для начала необходимо обозначить, что мы подразумеваем под стулом и табуретом: табурет – это сиденье без подлокотников и спинки, а стул – сиденье со спинкой [Britannica 2011 b]. На двух миниатюрах можно увидеть разновидность табурета, представляющего собой сиденье на трёх ножках (ил. 1, 6). Табурет на трёх ножках являлся одним из простейших форм сиденья, поэтому он довольно часто встречается как в бытовых, так и в иконографических миниатюрах. При этом трёхногий вариант был гораздо более устойчивым на неровных полах, чем его четырёхногий аналог. Примечательно, что на этих двух изображениях представлена одна модель такого табурета, который имеет цилиндрообразные ножки, соединённые нижними перекладинами, которые, в свою очередь, соединены с сиденьем, образуя, таким образом, нечто вроде полого пространства внутри табурета. Можно предположить, что такие варианты табурета создавались для устойчивости конструкции. На миниатюре «Турино-Миланского часослова», в её правой части мы можем увидеть такой же вариант табурета. Также на миниатюре изображен табурет, на котором сидит служанка, поэтому нельзя увидеть, трёхногий или четырёхногий это табурет (ил. 1). Учитывая похожую форму, предположим, что это та же модель табурета на трёх ножках с пуфиком на сиденье.

Помимо описанного, встречаются и другие формы табурета. В миниатюре, изображающей рождение Богородицы (ил. 4), на переднем и заднем планах комнаты родильницы располагаются табуреты, соединённые четырьмя перекрёстными, или Х-образными, ножками, которые можно было складывать и легко перемещать из комнаты в комнату. Такой вариант табурета восходит к греческим временам и напоминает дифр [Велишский 1878, 167]. Интересно, что на этой миниатюре на табурете лежат подушечки с вышитым инициалом «m», которые могут отсылать зрителя к Деве Марии.

Что касается изображения стульев, то в Средние века они были не так широко распространены, в отличие от табуретов, и долгое время символизировали власть и знак почёта. В домах стулья предназначались только для лорда и его жены, в редких случаях для знатного гостя [Britannica 2024 b]. В миниатюре, изображающей рождение святого Эдмунда (ил. 5), рядом с постелью родильницы под балдахином виднеется кресло с изогнутыми подлокотниками, накрытое розовой тканью, на котором лежит валик. На той же миниатюре напротив камина стоит скамейка, также покрытая похожей розовой тканью. Из-за покрывал мы не можем разглядеть конструкцию этой скамейки, но можем сделать определённые предположения. Как уже было сказано ранее, в основе многих предметов мебели лежал сундук. Данная скамейка выглядит довольно массивным сооружением, напоминающим своим видом сундук. Но такой тяжёлый тип сиденья занимал бы слишком много места, поэтому можно предположить, что в подобных типах скамейки

сиденье оставалось шарнирным, что позволяло использовать его основание для хранения вещей.

Ещё один интересный вид кресла показан на инициале, изображающем рождение Девы Марии (ил. 8). Он представляет собой стул с объединёнными подлокотниками и спинкой, которые образуют полукруг. Это довольно интересная конструкция для Средневековья, учитывая, что на создание этого кресла пришлось бы потратить больше материала. Изображение в рукописи не позволяет сделать вывод о распространённости или эксклюзивности такого вида кресел.

Рассмотрев перечисленные миниатюры, заметим, что стулья изображались рядом с постелью родильницы и предназначалось исключительно для неё, что указывает на её высокий статус, в то время как табуреты располагались в любом углу комнаты и предназначались для повитух и служанок.

Отметим некоторые бытовые детали пространства комнаты родильницы, которые также представляют большой интерес и ценность в рамках изучения истории повседневности. В «Турино-Миланском часослове» интересной деталью является веретено (ил. 1). На миниатюре изображена прялка, представляющая собой посох, на котором удерживались нескрученные волокна. Прялку держали под мышкой или закидывали за пояс, чтобы оставить одну руку свободной, а другой рукой накручивали волокно на веретено – точёную палочку, на которой вытягивалось волокно [Britannica 2019 b]. Веретено изображено на миниатюре сбоку прялки. Можно предположить, что само изображение веретена в комнате родильницы неслучайно и может быть связано с символом рождения новой жизни и судьбы, вызывая аллюзию к веретену Ананки, на котором мойры прядут нить человеческой судьбы.

Ещё один предмет, редко встречаемый на страницах иллюминированных рукописей, – это деревянные башмаки-паттены, изображённые, например, рядом с открытым сундуком в самом углу миниатюры из «Турино-Миланского часослова» (ил. 1). Башмаки-паттены представляли собой галоши, которые носили поверх обычной обуви; они предназначались для защиты обуви от грязи [Grew, Neergaard 2001, 91–93]. На миниатюре представлены деревянные башмаки с кожаными или тканевыми ремешками. Такие же башмаки, изображённые на миниатюре Яном ван Эйком, отсылают к башмакам из его знаменитого произведения «Портрет четы Арнольфини» (ил. 9). Вообще вся обстановка комнаты из миниатюры как бы ссылается на убранство комнаты его картины.

Помимо большого количества бытовых предметов в иконографических миниатюрах, изображающих рождество святых, особое внимание в них уделяется взаимоотношениям, в которые включены родильницы, повитухи с прислужницами и сами новорожденные святые. Изображение святых родильниц, несмотря на некую иконографичность сюжета, напрямую связано с родами в средневековой реальности. Зачастую заказчиками иллюминированных рукописей, изображающих сюжет родов, были представительницы знатных семейств, которые хотели сблизить свой опыт родов, уже существующий или грядущий, с сакральными сюжетами Рождества Богородицы или Иоанна Крестителя. Разумеется, такие параллели в рукописях могли себе позволить представительницы богатых домов, а никак не крестьянки, поэтому и описанные выше предметы быта могли принадлежать исключительно знатной даме, которая стремится «пере-

ложить» свои роскошные покои на сакральное пространство комнаты святой родильницы. При этом надо признать, что заказчиками таких рукописей были не только женщины, но и мужчины, а также родственники рожениц, о чём пойдет речь ниже.

Большую роль в иллюстрациях родильной комнаты играют акушерки, или повитухи, помогающие роженице при родах. В позднее Средневековье акушерство формально становится юридической и медицинской категорией [Green 1994, 340]. Акушерки могли проходить лицензирование на уровне прихода. Анни Сонье считает, что получение лицензии фактически делало приходскую акушерку исполнительницей церковной должности, за которой был предусмотрен контроль со стороны епископальных властей. Некоторые исследователи также утверждают, что причина введения института приходских акушерок состояла в необходимости проводить экстренное крещение в случаях опасности для жизни новорожденного [Johnson 2016, 384]. С другой стороны, акушерки также имели функцию дачи юридических показаний в суде по делам, предусматривающим осмотр женщин [Green 1994, 339–340]. Это также может быть понято как аллюзия на апокрифический сюжет Рождества Иисуса Христа, когда повитухи свидетельствуют о материнстве Девы Марии.

Стоит также упомянуть, что женское акушерство практиковалось в случаях обычных родов, исключая практику sectio in mortua, известную как кесарево сечение. В рассматриваемых в данной статье миниатюрах также изображены лишь естественные роды, однако существуют книжные иллюстрации, демонстрирующие sectio in mortua. Среди них иллюминации, изображающие рождение Юлия Цезаря (Royal MS 16 G VIII, f. 32 r), которого извлекают путём кесарева сечения мужчины-врачи. В данной иллюстрации в комнате нет ни одной акушерки или прислужницы. Существуют как миниатюры, изображающие одновременно женщин и мужчин за данной практикой, так и исключительно женщин (напр., Bibliothèque municipale de Besançon, MS 457, f. 260 v; Royal MS 16 G VII, f. 219 r; BnF, NAF 3576, f. 197). Исследователи придерживаются разных точек зрения на этот счёт: одни предполагают, что врачи и хирурги запрещали акушеркам выполнять данную процедуру из-за конкуренции, другие считают, что в Северной Европе XV века акушерки могли выполнять данную практику, и это даже предписывалось им делать, в то время как в Южной Европе выполнение sectio in mortua возлагалось исключительно на мужчин-врачей [Johnson 2016, 385]. Более того, существовала стигма, связанная со знанием мужчинами женских тел, что ограничивало количество изображений материнства в рамках религиозного искусства [Andal 2021, 258]. Вероятно, поэтому изображение акушерок за таким видом родов следует воспринимать критически и учитывать происхождение той или иной иллюминированной рукописи.

Отметим также, что книжные иллюстрации, изображающие практику sectio in mortua, которую совершают врачи и хирурги, обычно не сопровождаются теми предметами быта, о которых шла речь выше. Однако появление акушерок в миниатюрах подразумевает иллюстрирование хотя бы минимального убранства, напоминающего родильную палату: кровать (нередко с балдахином), кипячёная вода, расписанные узорами стены комнаты. Такие особенности иллюминации создают у зрителя впечатление о родильной комнате как исключительно женском про-

странстве, наполненном необходимыми для родильницы предметами, имеющими ту или иную функцию, которые связаны друг с другом и взаимодействуют с пространством помещения.

Несмотря на обилие бытовых деталей, на миниатюре всё же изображается сакральное событие, если речь идёт о Рождестве Девы Марии или святого Иоанна Крестителя, когда главными лицами являются герои иконографических текстов. Новорожденный святой всегда изображается с нимбом над головой; исключением является лишь Богородица из «Бревиария Мартина Арагонского», что является исключительным примером подобного изображения (ил. 7). Почти то же самое касается и родильницы, матери святого, которую не всегда, но в большинстве случаев также изображали с нимбом.

В бытовое пространство комнаты родильницы помещаются архетипические образы, привычные для сцены Рождества Иисуса Христа. Самая явная ассоциация возникает между святой Анной, праведной Елисаветой и образом Богородицы как архетипа матери. Дева Мария существенно отличается от других образов родильниц, в том числе традицией изображения. Именно поэтому миниатюры, изображающие рождение Иисуса Христа, не являются объектом нашего рассмотрения наряду с упомянутыми выше святыми родильницами. Тем не менее, в этой связи необходимо затронуть некоторые визуальные символы и аллюзии. В иконографической традиции образ Марии как роженицы сопровождается изображением в Её чреве Младенца Христа в виде уже сформировавшегося человека. Беременное тело Марии выступает интегральным пространством рождений, которое продолжает другие значимые библейские истории [Andal 2021, 258] – Ева как первая женщина и матерь; Сарра, зачавшая Исаака в возрасте 90 лет; Ревекка, также будучи бесплодной, родившая Иакова и Исава. При этом тело Девы Марии противопоставляется всем библейским родильницам благодаря Её девственности и вступает в конфликт как с греховным телом Евы [Andal 2021, 259], так и с остальными родильницами.

Зачастую беременную Богородицу изображают вместе со святой Елисаветой. В иконографии этот образ воплощается в сцене посещения Девы Марии, беременной Иисусом, Елисаветы, которая беременна Иоанном Крестителем. В этих многочисленных иллюстрациях божественная беременность Марии контрастирует с человеческой беременностью Елисаветы.

Образы святого Иоакима и Захарии отсылают к Иосифу. В миниатюре из «Цвета историй» зритель видит Иоакима через дверь, выходящую на улицу, где он беседует с ангелом (ил. 6). В другой миниатюре, изображающей этот сюжет, Иоаким помещён также вне пространства комнаты родильницы – сидящим на улице (ил. 10). Примечательно, что в этой же миниатюре на улице позади святого Иоакима изображён пастух – образ, отсылающий к сюжету Рождества Христова. В Евангелии от Луки (Лк 2:8–18) описывается, как пастухи, когда пасли стада, услышали благовестие ангела и наставление от него поклониться новорожденному Иисусу [ср.: Аверинцев 2004, 118]. Обратим внимание на то, что изображения Иоакима были созданы одним иллюминатором – Жаном Манселем. Можно заметить миграцию некоторых иконографических элементов из одной миниатюры в другую, среди них изображение Иоакима вне родильной комнаты, а также помещение в книжную иллюстрацию ангела.

В миниатюре из «Турино-Миланского часослова» Захария также изображён за пределами комнаты родильницы (ил. 1). Мы видим его на заднем плане, сидящего в соседней комнате. Удивительно, насколько обыденно изображён Захария: в расслабленной позе, нога на ногу, с книгой в руках. На этой иллюстрации присутствуют и другие элементы, добавляющие повседневности и реальности происходящему: открытый сундук, башмаки-паттены в углу комнаты, ребёнок внутри родильной комнаты, домашние животные. Также в миниатюрах часто присутствуют ангелы, которые помогают прислужницам с купанием новорожденного, наливая воду из кувшина в купель (ил. 4). Подобная визуальная интертекстуальность позволяет интерпретировать данные сюжеты, отсылая зрителя к хорошо знакомым евангельским темам. И в то же время они являются отражением действительности, сопровождающей средневековые роды, хоть эта действительность и изображается в несколько идиллическом тоне. Подобные проникновения обыденности в сакральные сюжеты свидетельствуют, на наш взгляд, о нарастающих в позднее Средневековье ренессансных тенденциях в живописи, в том числе и в книжной миниатюре.

В иллюстрации манускриптов изображают такие сюжеты, которые могли бы иметь место в действительности. В данном случае имеются в виду заботы прислужниц о родильнице. Стол на миниатюрах наполнен разными яствами: хлебом, ягодами, чашами. Служанки предлагают только что родившей женщине курицу, а также некий предмет, напоминающий яйцо с выглядывающей оттуда ложкой, или кружку с каким-то содержимым красного цвета (ил. 7). Рядом на полу изображена маленькая жаровня, на которой готовили еду для святой Анны. В миниатюре Жана Манселя (ил. 6) на полу иллюминатором изображена сковорода, в которой, предположительно, находится каша. Также нечто, напоминающее кашу, преподносит служанка матери святого Эдмунда, лежащей в постели (ил. 5). Это может служить аллюзией на Рождество Иисуса Христа. В иконографии Иосифа часто изображают проявляющим заботу о Марии и Иисусе. Одним из сюжетов, изображающих такую заботу, является сцена, в которой Иосиф кормит маленького Иисуса кашей, чтобы тот вырос здоровым и крепким. В иконографии этот сюжет часто встречается при изображении Иосифа: в отдалении от Богородицы с Младенцем он заботливо варит кашу для маленького Иисуса.

Нередкими гостями комнат родильниц на страницах иллюминированных рукописей являются домашние питомцы: кошки и собаки. В одной из миниатюр их изобразили с мисками, наполненными едой (ил. 1). Подобная деталь также отсылает зрителя скорее к происходившим в реальности родам, чем к иконографическому сюжету Рождества.

Иллюминированные рукописи, изображающие сюжеты рождения святых, служили проводниками определённой политики, интересов и взглядов разных групп. В последней четверти XX века начинают появляться работы, рассматривающие гендер как категорию анализа в средневековых исследованиях, создаются труды, посвящённые изучению гендерных ролей в иконографии. Одна из авторов таких работ, Кэролайн Уокер Байнум, утверждает, что начиная с XII века в монастырских текстах и изображениях наблюдается увеличение количества женских метафор: в трудах монахов поднимаются темы рождения, материнства и брака как способы разговора о Распятии и Иисусе Христе [L'Estrange 2008, 28]. В дальнейшем

её предположения подверглись критике за абсолютизирование категории гендера в своих исследованиях и игнорирование других характеристик и свойственных для Средневековья аспектов.

Как уже было сказано ранее, иллюминированные рукописи с религиозными сюжетами рождения святых заказывали женщины из знатных родов, для которых сцены миниатюр служили успокоением в период их беременности, так как процесс родов мог сопровождаться опасностями как для матери, так и для ребёнка. К тому же, медицинские и религиозные тексты описывали страдания и боль матери и ребёнка во время родов как неотъемлемую составляющую этого процесса [Carlquist, Langum 2015, 134–135]. Роженицы могли также получать роскошные книги от родственников, которые поощряли определённые формы поведения, подразумевающие добродетельное материнство и целомудренность жены [L'Estrange 2008, 31]. Роль данных изображений заключалась в представлении модели поведения женщины-матери.

Такие религиозные изображения и тексты становились предметом исследований, рассматривающих их с позиции критики мужского господства и гегемонии. Подобный интерес характерен для работ, исследующих бинарную оппозицию «господство–подчинение» в ракурсе рассмотрения положения женщины в патриархальном (средневековом) обществе. Однако в последние десятилетия появляются исследователи, которые стремятся избегать рассмотрения гендера как исключительной объяснительной категории. Элизабет Л'Эстранж придерживается мнения, что интерпретации образов святого материнства и деторождения, созданных в XV веке, зависят не только от гендерных ролей зрителей в светском обществе (как, например, роли мужа и жены), но и от их места в социальной иерархии.

Джудит Батлер, размышляя о роли биологического материнства в формировании женского пола как гендерной категории, утверждает, что желание женщины рожать может свидетельствовать о материнстве как социальной практике, обусловленной требованиями поддержания наследственности [Butler 1999, 115]. Если рассматривать акт рождения как социально обусловленную потребность производить наследников мужского пола, что было необходимо для выживания династии, то роды становятся требуемой от женщины необходимостью, а миниатюры, изображающие святое материнство, – чётко обозначенной моделью поведения, которая пропагандируется патриархальными нормами общества. Однако такая репрезентация книжной иллюстрации может упускать из виду возможности позитивного анализа источника и выглядеть, на наш взгляд, слишком поверхностно.

Адриан Рэндольф, основываясь на изучении гендерных разграничений городских территорий и изолирования сугубо женских частей домашних пространств, утверждал, что не следует ограничивать женское присутствие наличием лишь взглядов и мнений мужчин-зрителей [L'Estrange 2008, 36]. Его исследовательский подход не предполагает отрицание женского влияния на формирование образов и восприятий лишь потому, что они происходят в контексте патриархального общества.

Натали Дэвис считала, что роды и сопутствующий им обряд воцерковления, возвращающий родильниц в церковную жизнь, позволял встать женщине

на вершину в семейной иерархии, тем самым нарушая исконные гендерные роли [L'Estrange 2008, 39]. Кроме того, сам факт предоставления роженице уединённой комнаты, женского пространства, обеспечение ухода за матерью и ребёнком ставит её роль и положение в центр, восхваляя её праведность и отсылая к священным родам.

Мы считаем, что следует согласиться с рассуждениями Э. Л'Эстранж, А. Рэндольфа и других исследователей о том, что вещественные источники, связанные с рождением и материнством, стоит рассматривать не только с позиции мужского взгляда, но и с учётом влияния женского зрительства. Несмотря на пропагандирующую функцию подобных предметов, прославляющих материнство, данные объекты также выступают посредниками между опасностями родов и желанием иметь здоровое потомство, тем самым обретая позитивный образ для женской аудитории. Мы полагаем, что несмотря на то, что социальная практика родов конструировалась обществом, Церковью и социальными институциями, её не следует воспринимать как исключающую позитивное участие женской аудитории, которая могла использовать рассматриваемые образы в своих целях. Более того, репрезентативность данных образов и реакций не предполагает, что интерпретация мужчинами и женщинами сюжетов материнства были обязательно конфликтующими. Способность соотносить себя с образами успешных, святых родов была важна не только для женщин, но и для мужчин, что объяснялось как стремлением иметь здоровых наследников, так и желанием получить благословение от Бога в виде продолжение династии [L'Estrange 2008, 39–40]. Гендерные категории не были устоявшимися, застывшими, и мужчины также могли находить ценность и даже образец в истории Богородицы вне зависимости от её формально гендерных рамок [Pearson 2023].

Таким образом, миниатюры рукописей, изображающие апокрифические сюжеты Рождества Девы Марии, Иоанна Крестителя и других святых, богаты на визуальную репрезентацию бытовых предметов, воссоздание самого процесса родов, описание родильницы и повитух с прислужницами. Подобные сюжеты в книжной иллюстрации связаны с реальными родами и призваны сблизить сакральное пространство Рождества с опытом знатных заказчиц подобных иллюминированных рукописей, желающих приблизить удачный исход своих родов. Эти сюжеты также интертекстуальны, так как обладают системой аллюзий и отсылок по отношению к иконографии Рождества Христова.

На страницах иллюминированных рукописях запечатлено множество изображений конструкции бытовых предметов и утвари, наполняющих комнату родильницы. Мастера часто помещали внутрь своих иллюстраций такие предметы домашнего интерьера, как кровать с балдахином, который прикреплялся к навесу над кроватью, подвешиваемому к потолку. Нередко в миниатюрах изображался буфет, который имел дополнительное внутреннее пространство для хранения предметов домашней утвари. Иллюминаторы были искусны в изображении табуретов и стульев. Часто на страницах рукописей появляются и такие предметы средневекового быта, как прялка с веретеном, деревянные башмаки-паттены, которые надевали поверх обычной обуви. Всё это позволяет говорить о миниатюрах, изображающих комнаты родильниц, как ценном источнике по истории позднесредневекового быта европейской знати.

Рассмотренные нами миниатюры могут быть изучены с позиции гендерной динамики, а именно в качестве проводников мужских и женских интересов. Иллюминированные рукописи могли принадлежать роженицам и матерям, но не всегда заказчиками выступали они: это могли быть мужчины, родственники, которые предлагали женщинам социально одобренную модель поведения, основанную на добродетели матери и праведности жены. Однако зрителями данных образов и сюжетов не всегда были родильницы; мужчины также были чувствительны к данным темам.

Благодаря тому, как детально выписаны предметы средневекового быта на миниатюрах, можно расширить имеющиеся в науке представлении о средневековой повседневности. К тому же, изображаемые сюжеты в миниатюрах XIV–XV вв. в большинстве случаев не имеют динамики развития, что говорит об устойчивости повседневного домашнего быта высших слоёв позднесредневекового общества. Тем не менее, не стоит полностью полагаться на эти изображения, считая их однозначно достоверными, так как они представляют собой репрезентацию художественно-символического канона, они могли быть изменены в связи с пожеланиями заказчика и, в конце концов, сам иллюминатор не всегда мог быть детально знаком с механизмом устройства того или иного изображаемого им предмета.

Библиография

Аверинцев 2004 – *Аверинцев С. С.* Собрание сочинений. Т. 1. Киев, 2004.

Велишский 1878 – *Велишский Ф. Ф.* Быт греков и римлян / Пер. с чеш. И. Я. Ростовцева. Прага, 1878.

Andal 2021 – Andal A. G. The maternal body as a space: Examining the visuality of Marian pregnancy in Late Medieval Europe. *Open Theology*. 2021. Vol. 7. 1. Pp. 256–270.

Butler 1999 – Butler J. Gender trouble: Feminism and the subversion of identity. New York, London, 1999.

Britannica 2006 – Tester. *Encyclopaedia Britannica.* URL: https://www.britannica.com/technology/tester (дата обращения: 25.07.2025).

Britannica 2011 a – Chest. *Encyclopaedia Britannica.* URL: https://www.britannica.com/topic/chest (дата обращения: 25.07.2025).

Britannica 2011 b – Stool. *Encyclopaedia Britannica.* URL: https://www.britannica.com/topic/stool (дата обращения: 25.07.2025).

Britannica 2019 a – Bed. *Encyclopaedia Britannica.* URL: https://www.britannica.com/topic/bed-furniture (дата обращения: 25.07.2025).

Britannica 2019 b – Spindle and whorl. *Encyclopaedia Britannica.* URL: https://www.britannica.com/technology/spindle-and-whorl (дата обращения: 25.07.2025).

Britannica 2024 a – Curtain. *Encyclopaedia Britannica.* URL: https://www.britannica.com/topic/curtain-interior-decoration (дата обращения: 25.07.2025).

Britannica 2024 b – Furniture. *Encyclopaedia Britannica.* URL: https://www.britannica.com/technology/furniture/Middle-Ages (дата обращения: 25.07.2025).

Carlquist, Langum 2015 – Words and matter: The Virgin Mary in medieval and early modern Parish life. Ed. by J. Carlquist, V. Langum. Stockholm, 2015.

Erler, Kowaleski 2003 – Gendering the master narrative: Women and power in the Middle Ages. Ed. by M. C. Erler, M. Kowaleski. New York, 2003.

Green 1994 – Green M. H. Documenting medieval women's medical practice. *Practical Medicine from Salerno to the Black Death*. Cambridge, 1994. Pp. 322–352.
Grew, Neergaard 2001 – Grew F., de Neergaard M. Shoes and pattens. Woodbridge, 2001.
Johnson 2016 – Johnson R. W. Divisions of labor: Gender, power, and later medieval childbirth, c. 1200–1500. *History Compass*. 2016. Vol. 14. 9. Pp. 383–396.
L'Estrange 2008 – L'Estrange E. Holy motherhood: Gender, dynasty and visual culture in the Later Middle Ages. Manchester, 2008.
Pearson 2023 – Pearson A. Gender, sexuality, and the future of agency studies in Northern art, 1400–1600. *Journal of Historians of Netherlandish Art*. 2023. Vol. 15. 2. URL: https://jhna.org/articles/gender-sexuality-and-the-future-of-agency-studies-in-northern-art-1400-1600/ (дата обращения: 25.07.2025).
Reames 2003 – Reames S. L. Middle English legends of women saints. Kalamazoo, 2003.

References

Andal 2021 – Andal A. G. The maternal body as a space: Examining the visuality of Marian pregnancy in Late Medieval Europe. *Open Theology*. 2021. Vol. 7. 1. Pp. 256–270.
Averintsev 2004 – Averintsev S. S. Collected works. Vol. 1. Kiev, 2004. In Russian.
Butler 1999 – Butler J. Gender trouble: Feminism and the subversion of identity. New York, London, 1999.
Britannica 2006 – Tester. *Encyclopaedia Britannica*. URL: https://www.britannica.com/technology/tester (accessed: 25.07.2025).
Britannica 2011 a – Chest. *Encyclopaedia Britannica*. URL: https://www.britannica.com/topic/chest (accessed: 25.07.2025).
Britannica 2011 b – Stool. *Encyclopaedia Britannica*. URL: https://www.britannica.com/topic/stool (accessed: 25.07.2025).
Britannica 2019 a – Bed. *Encyclopaedia Britannica*. URL: https://www.britannica.com/topic/bed-furniture (accessed: 25.07.2025).
Britannica 2019 b – Spindle and whorl. *Encyclopaedia Britannica*. URL: https://www.britannica.com/technology/spindle-and-whorl (accessed: 25.07.2025).
Britannica 2024 a – Curtain. *Encyclopaedia Britannica*. URL: https://www.britannica.com/topic/curtain-interior-decoration (accessed: 25.07.2025).
Britannica 2024 b – Furniture. *Encyclopaedia Britannica*. URL: https://www.britannica.com/technology/furniture/Middle-Ages (accessed: 25.07.2025).
Carlquist, Langum 2015 – Words and matter: The Virgin Mary in medieval and early modern Parish life. Ed. by J. Carlquist, V. Langum. Stockholm, 2015.
Erler, Kowaleski 2003 – Gendering the master narrative: Women and power in the Middle Ages. Ed. by M. C. Erler, M. Kowaleski. New York, 2003.
Green 1994 – Green M. H. Documenting medieval women's medical practice. *Practical Medicine from Salerno to the Black Death*. Cambridge, 1994. Pp. 322–352.
Grew, Neergaard 2001 – Grew F., de Neergaard M. Shoes and pattens. Woodbridge, 2001.
Johnson 2016 – Johnson R. W. Divisions of labor: Gender, power, and later medieval childbirth, c. 1200–1500. *History Compass*. 2016. Vol. 14. 9. Pp. 383–396.
L'Estrange 2008 – L'Estrange E. Holy motherhood: Gender, dynasty and visual culture in the Later Middle Ages. Manchester, 2008.

Pearson 2023 – Pearson A. Gender, sexuality, and the future of agency studies in Northern art, 1400–1600. *Journal of Historians of Netherlandish Art*. 2023. Vol. 15. 2. URL: https://jhna.org/articles/gender-sexuality-and-the-future-of-agency-studies-in-northern-art-1400-1600/.
Reames 2003 – Reames S. L. Middle English legends of women saints. Kalamazoo, 2003.
Velishsky 1878 – Velishsky F. F. Život Řeků a Římanů. Transl. into Russian by I. I. Rostovtsev. Prague, 1898.

Информация об авторах
Анжелика Ахуриковна Геворкян
аспирант
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
Российская Федерация, 191186, Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, 48
ORCID: https://orcid.org/0009-0005-2391-7721
e-mail: gevorkyan_lika@mail.ru

Владимир Александрович Земляницин
кандидат исторических наук,
доцент кафедры всеобщей истории
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
Российская Федерация, 191186, Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, 48
ORCID: https://orcid.org/0009-0005-1267-1279
e-mail: zemlyanitsin79@yandex.ru

Information about the authors
Anzhelika A. Gevorkyan
PhD student
Herzen State Pedagogical University
48, Moika Embankment, St. Petersburg, 191186, Russian Federation
ORCID: https://orcid.org/0009-0005-2391-7721
e-mail: gevorkyan_lika@mail.ru

Vladimir A. Zemlyanitsin
Cand. Sci. (History),
Associate Professor of Department of World History
Herzen State Pedagogical University
48, Moika Embankment, St. Petersburg, 191186, Russian Federation
ORCID: https://orcid.org/0009-0005-1267-1279
e-mail: zemlyanitsin79@yandex.ru

Конфликт интересов
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests
The authors declare no conflict of interests.

Вклад авторов

Анжелика Ахуриковна Геворкян – верификация данных, проведение исследования, создание черновика рукописи.

Владимир Александрович Земляницин – концептуализация, методология, редактирование рукописи, руководство исследованием.

Authors' contributions

Anzhelika A. Gevorkyan – validation, investigation, writing (original draft).

Vladimir A. Zemlyanitsin – conceptualization, methodology, writing (review & editing), supervision.

Материал поступил в редакцию / Received 16.07.2025
Принят к публикации / Accepted 16.09.2025

Список иллюстраций

Ил. 1. Турино-Миланский часослов. 1380–1450.
Турин, Гражданский музей древнего искусства, 0467/M, f. 93 v
Источник: https://commons.wikimedia.org/wiki/File:14th-century_painters_-_Les_Tr%C3%A8s_Belles_Heures_de_Notre_Dame_de_Jean_de_Berry_-_WGA16014.jpg

Ил. 2. Миссал (Missale et horae ad usum Fratrum Minorum). 1301–1400
Париж, Национальная библиотека Франции, MS Latin 757, f. 351 v
Источник: https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b8470209d/f706.item

Ил. 3. Инициал G с изображением Рождества Богородицы.
Италия, ок. 1375. Нью-Йорк, Метрополитен-музей. Number 21.168
Источник: https://www.metmuseum.org/art/collection/search/466330

Ил. 4. Цвет историй. Франция, ок. 1455. Брюссель,
Королевская библиотека Бельгии, Mss. 9231, f. 363
Источник: https://uurl.kbr.be/1749061

Ил. 5. Жития Эдмунда и Фремунда. 1434–1439.
Лондон, Британская библиотека, Harley MS 2278, f. 13 v
Источник: https://imagesonline.bl.uk/asset/6492

Ил. 6. Цвет историй. Франция, XV в.
Париж, Национальная библиотека Франции, Français 297, f. 1 r.
Источник: https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b105072112/f21.item

Ил. 7. Бревиарий Мартина Арагонского. 1380–1450.
Париж, Национальная библиотека Франции, MS Rothschild 2529, f. 381 v
Источник: https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b52000996s/f764.item

Ил. 8. Часослов. 1430–1435. Нью-Йорк, Библиотека и музей Моргана,
MS M.359, f. 23 r. Источник: http://ica.themorgan.org/manuscript/page/44/76807

Ил. 9. Ян ван Эйк. Портрет четы Арнольфини. 1434.
Лондонская национальная галерея, NG186
Источник: https://www.nationalgallery.org.uk/paintings/jan-van-eyck-the-arnolfini-portrait

Ил. 10. Цвет историй. 1475–1483. Лондон, Британская библиотека,
MS Royal 18 E VI, f. 8 r
Источник: https://picryl.com/media/birth-of-virgin-from-bl-royal-18-e-vi-f-8-cb2126

Ил. 1

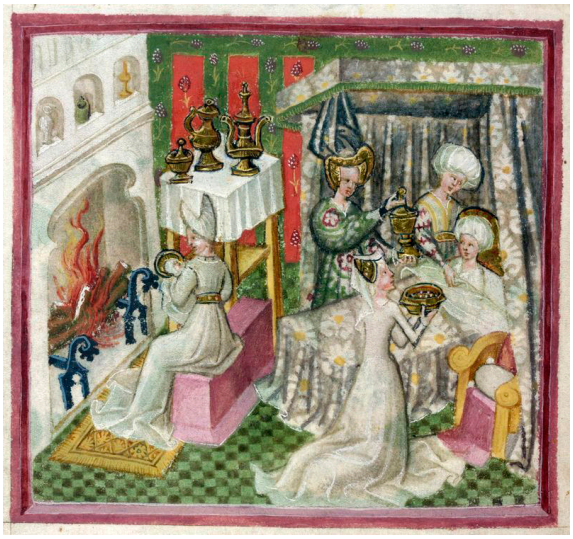
Ил. 2

Ил. 3

Ил. 4

Ил. 5

Ил. 6

Ил. 7

Ил. 8

Ил. 9

Ил. 10